

МАРИНА ВАЖОВА

Любаха

Марина Вазова

Любаха

«Издательские решения»

Важова М.

Любаха / М. Важова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855111-6

Это рассказ о девочке Любе, Любахе, пережившей блокаду благодаря помощи доктора, а главное — своему лёгкому, деятельному характеру. Именно он всегда вытаскивает Любаху, помогает ей выжить. Она предстаёт перед читателем то девочкой, то девушкой, то прикованной к постели старухой, для которой прошлое реальнее, чем настоящее. Воспоминания вплетаются в явь событий, герои прошлого находятся рядом. Они ждут, они надеются...

ISBN 978-5-44-855111-6

© Важова М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Батя	6
Глава 2. Карточки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Любаха

Марина Вазова

Редактор Екатерина Буланина

Фотограф Борис Кудряков

© Марина Вазова, 2020

© Борис Кудряков, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4485-5111-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Батя

– Любка, посмотри, ушёл отец?

Голос матери. Бежать скорее: ведь если он ушёл, то на фабрику за получкой. И тут Любаха – не последний человек. Сам он получку не донесёт и вообще не придёт сегодня домой. Будет шататься по своим друзьям, «дружочкам», пока не завалится где-нибудь.

Если Любка упустит его уход... Но такого уже года два не бывало, чтобы она не пошла за батькой. Поначалу крадучись, по другой стороне улицы, с нарочно взятой корзинкой, в которой мамка приносит яйца от погорелок. Потом – ближе к фабричным баракам – следом идет как ни в чём не бывало. И почти у самой конторы догоняет и, забегая вперёд, весёлую рожу строит. Мол, ты ведь понимаешь, батя, я полностью на твоей стороне, тоже люблю погулять и к «дружочкам» с тобой могу сходить. Но маманька просит... Ты ведь знаешь, больна она, чахотка, ей масло нужно, ви-та-ми-ны. А ты у нас один. Так что не обижайся, слышь? И за руку его берет, будто он маленький, а она большая.

Батя, он что? Он ничего и никогда. Слова грубого или упрёков от него не бывает. Вот рассказать что смешное или душевное, тут он мастак. Или утешать. Никто так не может утешать, как наш батя. Мамка прямо говорит: «Ты меня одним утешением взял». Ещё отец петь любит, почитай, слова всех песен знает. Кто бы ни запел – куплет да припев, а остального не помнят. А батяня всё помнит, будто в его голове записи сделаны. Голос не сильный, но правильный, мелодию не врёт.

Только теперь, если он дома поёт, стало быть, пьяный. А тогда нам не до песен, прикидываем, как теперь месяц прожить. Ведь батя только с получки и напивается, а так – ни боже мой. Мастер он хороший, начальство его ценит, чуть что: «Иван Казимирович, зайдите к главному инженеру поскорее». А это значит лишь одно: у главного инженера что-то стряслось, и только наш отец ему способен помочь. Потом премию бате дадут. С премии Любахе всегда гостинец. Конфеты, к примеру, или слойки. Да и так, без премии, если батю не упустить, обязательно в продмаг зайдём. Только отец скажет просяще: «Любах, тебе ирисок, а мне две кружки пива, идет?» Пива можно, оно недорогое, и мамка сердиться не будет. Лишь пошутит, как вернутся: «Ну что, заговорщики, натрескались?»

Только как же это мамка может шутить? Она ж померла, ещё до войны. Чахотка её успокоила, совсем успокоила. Скромненький крест на старом кладбище, могилка у самой речки Смоленки. Так ведь и батьки нет. Бомбой его в сорок втором зацепило, когда за лошадьё подбитой пошёл: «Всё, девки, скоро сыты будем. У Ижорской заставы конягу подстрелили мессера. Надо скорее бечь, пока не пронюхали, мясцом запасаться». Вот и добегался. Сам спи-

нул, так и не нашли, не схоронили. Люди видели, как всё было, рассказали. А то бы числился в «безвестипропавших».

И как он в эту байку поверил? Ведь ребёнку ясно – никакой лошади в помине нет. Все они уж давно съедены. Нет, не все, оказывается. Лошадь маршала Будённого на законном отдыхе, у маршала на даче травку щипала. Вернее, сено, ведь зима. А тут приспичило её переводить. В целях государственной безопасности. Через весь город вели – и ничего. А как к заставе подходить стали – мессера внезапно налетели и стрелять. Прямо в голову той лошади, она повалилась и лежит. А сопровождающий искать телефон принялся, чтоб доложить о кончине. Потому никто и не знает про лошадь, что секретная она.

Вот враки, слушать невозможно, до чего батька поглупел после мамкиной смерти. Верит в сказки, да ещё сам их придумывает. Только нам-то как теперь? Мне, Нинке и Насте? Мы ведь одни, ни отца, ни матери. Крёстная в круглосуточном дежурстве на седьмой ТЭЦ, остальные все эвакуировались и самовар с собой взяли. Ни еды, ни горячего, ни дров, а ведь декабрь только – до весны далеко. Холодно, холодно-то как! Дует отовсюду. Остается только лежать под ворохом тряпья и ждать. А чего ждать-то? Ведь не придет никто, так и замёрзнем.

Нет, кто-то идет. Шаги по лестнице. А если пройдут мимо, что тогда? Кричать, звать надо. Вдруг это санитары проверяют, нет ли мёртвых по квартирам. Только крика не получается. Сип и тоненький вой. Шаги всё ближе, идут сюда, слава богу. Лишь бы дверь открыли, мимо не прошли. «И-и-и-и...» Вот дверь заскрипела, и такой родной, такой знакомый голос:

– Ну что, Любаха, чего ты распелась?

Всё же батя, родненький, вернулся живой и несёт что-то в руках – Любахе несёт поесть. Ну, теперь жить будем, теперь всё плохое позади. Батя жив – наврала про бомбу, – лошади кусок достался, запах вкусный такой по всей комнате. Где там Нинка, Настя? Вставайте, лодырницы!..

– Давай, Любаха, садись, поедим. Кашу будешь?

– Батя, ты?!

– Я, я, а кто же ещё? Так будешь кашу? Вчера просила, вот и сварили. Пишённую с тыквой, как ты любишь...

Сорока-воровка кашу варила,

На порог скакала, гостей созывала.

Гости не бывали, каши не едали,

Сорокину кашу Любахе отдали.

Нет, не батькин голос, хоть и знакомый. Но ведь кто-то рядом сидит, ложку ей в руку сует, а в другую – хлеба кусок. Хлеб настоящий, сухой, а душистый! Как до войны. И каша в миске почти рядом с лицом. Там масло – его Любаха хорошо видит – жёлтое, не совсем растаяло, но это ещё и лучше: можно ложкой зачерпнуть и съесть так. Вкусотища!

– А другие уже поели?

– Поели, Любаха, все поели, одна ты осталась. Давай ешь, ведь вкусно?

– Очень вкусно, очень. Спасибо.

Но батей называть не стоит. Скорее всего – не батя это вовсе. Знакомый человек, наверно, тут и живёт. И добрый. Вон сколько каши принёс, ей и не съесть сразу. Да и спать так охота...

– Ну, посты, посты, Любаха.

По голове так легонечко погладил и ушёл вроде. Полежать тихонько, будто сплю. Если ушёл, надо встать и посмотреть, оставил он кашу или нет. И где он её взял, а главное – хлеб! Хлеб довоенный, свежий и мягкий такой. Если с собой унёс, плохо. Вряд ли ещё раз принесёт, ведь голод кругом, ой какой голод! И холодно, ноги-руки заледенели...

– А наши все где? – надо спросить, вдруг не ушёл ещё.

– Федор в армии, Вовчик на теннис ушёл, – неожиданно отзывается. Значит, сидел тихонько, прислушивался. – Соня с классом в Питер на экскурсию поехала, а Томася на работе.

Всё каких-то незнакомых называет – точно не батя. Это его родня, а мои-то, мои: Настя, и Нинка, и Ленка, она на торфоразработках, редко приезжает. А вдруг приехала? Табачку привезла, самокрутки крутить будем, накуримся, чтобы есть не так хотелось.

– А Ленка-то не приехала?

– Какая Ленка? Что ты, Любаха, никакой Ленки у нас нет, спи. Я пойду, тоже лягу, после ночной поспать надо. Так что ты не очень-то шуми. Я зайду ещё.

Тихо. Ушёл, значит. Теперь скорее встать и поискать, куда он кашу и хлеб положил. Вот только встать никак не получается. Тряпья на неё столько навалено, что не выбраться. А ты не торопись, Любка, не спеши, потихонечку. Вот одну ногу вытащила и с кровати спустила. Теперь вторую освобождай. Ну, вставай, вставай! Что ж ты расселась, искать надо, куда еда спрятана. Руками оттолкнись от кровати и иди. Да господи же, совсем от голода обессилела, ни встать, ни подняться! Так и помереть недолго. Ладно, полежать немного, сил набраться и вставать. Встану, встану, всегда вставала и сегодня встану. Только отдохну сначала.

Им, большим, хорошо. Рабочая карточка – это двести пятьдесят граммов хлеба. Почти в два раза больше, чем Любахина иждивенческая. Скорее бы работать пойти. К батю на фабрику ученицей – сразу рабочую дадут, а потом и усиленный паёк, как крёстной за то, что она сутками со своей ТЭЦ не вылезает.

Вот придут они с батей в отдел кадров, а там уже про неё знают и ждут. Смена, что ли, пришла? Это Марья Петровна так Любку «сменой» зовёт. А теперь и правда смена, раз ученицей берут. С батей, конечно, было бы лучше, но у него дело тонкое, надо учиться много, чтобы всё знать. Он ведь наладчик, а это всё равно что инженер, только ещё почётней, рабочие профессии все почётные.

Можно на красильщицу выучиться – ткани красить в разные цвета, а можно на ворсовщицу, они больше получают, там работа вредная, пыли ворсовой много. Зато молоко дают. В цеху станки в три ряда стоят, и за каждым две работницы. Одной никак не успеть, станки работают быстро, тянут ткань с рулона на рулон, а сверху железными щётками потряхивают, концы у них крючком загнуты, ворс поднимают и начёсывают. Следить надо, чтобы ткань равномерно шла, да чтобы в ворс ничего не попало и пропуска не было. Внимательно нужно смотреть, а чуть что – останавливать и исправлять. Но Любаха справится, лишь бы взяли. Там, кроме хлеба, затируху дают, бывает, что и с кукурузной мукой. Да масло раз в месяц полстанкана, из чего – непонятно, но все же на нём можно картошку мороженую поджарить. Только вряд ли она осталась, эта картошка, еще до зимы всю поддели...

Сейчас вздремну, силы восстановлю и пойду искать, где хлеб и каша. Сказал, что зайдёт ещё, да обманывает, наверно. Зачем ему худая, бессильная девчонка, вся в поносе и вшах? Или это у Нинки вши и понос? Всё путается, ничего голова не держит. Вот ведь как получилось... А мечтала о балете, в кино сниматься. Всё они, фашисты, измором хотят взять, да только не на тех напали, не отломится им ничего. Ничего. Ничего...

В отличие от своих младших сестёр-двойняшек Томи и Лёли, Маруся всю жизнь прожила с бабушкой в городе, а к маме надолго приезжала только летом. Так совпало: мамина новая

семья, отсутствие жилья и Марусина внезапная тяжёлая болезнь. Мама с новым мужем, дядей Сашей, переехали в областную глушь без врачей и школы.

Бабушка вцепилась в Марусю и категорически отказалась её отпускать. А смерть нового братика Лёвущки, названного в честь пропавшего без вести бабушкиного сына, подтвердила её мрачные опасения. Лёвущка умер от крупозного воспаления лёгких, принятого по ошибке врачами скорой помощи за дизентерию. Эта смерть упрочила бабушкины позиции, и никто уже больше никогда не заговаривал о том, чтобы Марусю маме отдать. Хотя и школа в посёлке появилась, и медпункт. Тень годовалого брата, умершего из-за неправильного диагноза, висела не только над Марусей с её пороком сердца, но и над новорожденными маленькими двойняшками, которых бабушка, не будь их двое, обязательно бы забрала себе.

Всё детство мама для Маруси была как праздничная фея, которая возникала внезапно и своей волшебной палочкой начинала творить чудеса. У Маруси появлялись новые платья, сшитые мамиными руками, хорошее покупное пальто, а не потёртые на обшлагах коротковатые пальтухи, переданные от дальних родственников бабушки. Но главное, конечно, не вещи – бог с ними! – главное, что какое-то время она ощущала мамину любовь, окрашенную чувством вины и потому особенно нежную.

Мама жила на Карельском перешейке, и сначала нужно было доехать до Рошино, а это больше часа пути, потом дождаться автобуса и ехать ещё часа два. И тогда только доедешь до мамы. Под конец ничего уже не помогало, и Марусю тошнило и рвало прямо в новые пёстрые рукавицы. В таком состоянии её вытаскивали из автобуса – мама и вытаскивала, приговаривая: «Всё хорошо, хорошо, приехала моя детка». Но это в зимние каникулы. А летом ходило больше автобусов, они были новыми, и Марусю не так укачивало, особенно если удавалось сесть спереди и неуклонно смотреть вперёд, на дорогу. Зато потом – целое лето! И чего только в это лето не происходило! Вольная воля, простор и никаких тебе запретов: туда не ходи, сюда не смотри. С мамой всё было проще, всё было по душе.

Маруся для сестёр – образец всех мыслимых достоинств: и красавица, и отличница, и певунья, и рукодельница. ореол ленинградской жизни только усиливал её совершенства. Сестрёнки смотрели ей в рот: она засмеётся – они хохочут, она в печали – им не велено даже подходить, лишь издали сочувствуют.

Другая параллельная жизнь с частицей «бы», счастливые, но быстро пролетающие дни, слёзы при расставании, мамино лицо за окном автобуса, увозящего её, Марусю, в будничную и такую правильную действительность...

Глава 2. Карточки

– Чего ты шлындраешь туда-сюда, чёрт длинный! Всю квартиру выстудишь!

Это Настя, она ещё может встать, у неё пока силы остались. И есть она может. А Нинка уже не может. Ноги безобразно распухли, лежит третий день, а паёк ни за что не отдаст. Выть начинает сразу, как Любка из булочной приходит: свою долю требует. Понюхает, в руках подержит и под подушку запихнёт. Уговаривала её Любаха в долг дать, всё равно ведь не ест – ни в какую. Визжит, злые слёзы из глаз так и текут, руками-спичками за подушку держится и трясётся. Ничего не стоит у неё всё забрать, да жалко Нинку. Хоть и старшая она, но с детства какая-то малахольная, видно, от мамки легкие слабые, всё по больницам и санаториям. Так что они в одном классе учатся, хотя Нинка на три года старше. Вернее, учились, теперь какая школа... Они погодки: Нинка, Настя и Любаха. Батя всё мальчика хотел, а после того как три девки родились и мамка болеть начала, свои мечты оставил, на работе «горел».

Теперь Любаха, хоть и самая младшая, но самая главная. На ней весь дом держится. Нинка долго не протянет, она уже второй день сухая лежит, не ест, не пьёт. Как помрёт, они с Настей склад под подушкой поровну поделят и наедятся, может, хоть раз. Только когда это ещё будет, а есть сейчас так хочется! Думается, вот только бы один разок до отвала наестся, а там можно и опять поголодать. Лишь бы паёк увеличили. Ходят слухи, что американцы второй фронт откроют, тушёнки и рыбных консервов навезут. Прямо с самолётов скидывать мешки будут – вот потеха! Мешки летят, как бомбы со свистом, а ты и рад. Говорят, в железных банках леденцы монпансье. А банок таких – несколько вагонов. Это всё Любаха в очереди за хлебом наслушалась. Там и не такое рассказывают. Еле достоиншь до своей пайки, тут же на месте и съешь. Остальное сёстрам несёшь с тяжёлым сердцем, ноги совсем перестают двигаться.

Раньше им Ленушка карточки отоваривала, но за это они отдавали ей весь табак. Она пристрастилась курить, чтобы голод заглушать, да только ведь табак можно на хлеб поменять или на сахар. Так что теперь Любаха сама продукты приносит. Ей всё равно не ложится, в голове как будто шарманка крутится, ноги сами куда-то идут. А Ленушку на торфоразработки забрали, она теперь в военной форме и дома почти не бывает. Они, Саватеевы, все такие – везунчики. Хоть и родня, но с гонором. Ленушка среди них ещё самая добрая и веселая, а остальные в эвакуацию уехали и самовар с собой взяли. Последний самовар был, и тот увезли...

– Чёрт длинный, чего без толку студишь комнату, житья от тебя нет!

Что-то Настя сегодня не такая бойкая, и голос слабый. Самое поганое дело – лежать. Если залёт – конец близок. Так все говорят, только потом сами и ложатся. Глаза такие стеклянные становятся, неподвижные. Даже не верится, что ещё на прошлой неделе про Самарканд рассказывали, тоже туда собирались, как только блокаду прорвут. Это соседка, тётя Вера. Осталась квартиру сторожить, да неделю назад на саночках медбрат её вывозил, в простыню закутанную. Еле видно, что человек лежит, будто тоненький матрасик.

Любаха ни за что не ляжет. Утром, ещё затемно, она воды принесёт с Ковша – самая близкая прорубь, её курсанты-матросики пробивают. Потом по пустым квартирам порыщет – где ещё мебель какая осталась или книги, чтобы печку-голландку затопить. Они теперь в одной комнатке крёстной живут для экономии тепла. Как затопит, согреется вода, заварит чай – и завтракать пожалуйста. Сегодня на роль чая сгодилась дубовая кора, которую в коридоре на шестом этаже за батареей нашла. Горечь ужасная, конечно, но цвет, как у чая, и полезно для дёсен, а то зубы все шатаются. Нинка пить не стала, а Настя полстакана выпила, да Любку всё ругала, что отравит их она когда-нибудь своими чаями.

Карточки на столе, сетка ещё с вечера в кармане старенькой облезлой кротовой шубки – Ленушкино наследство, у Бологовских никаких шуб отродясь не водилось. Настя не велит брать все карточки, а только на день – потерять можно или украдут. Но сегодня Любаха возьмёт все. Уже договорилась с одной надёжной женщиной, у неё сестра хлеборезкой работает и сможет весь хлеб до конца месяца выдать сразу. Об этом все постоянно говорят. Вот, мол, не сегодня-завтра карточки отменяют, пропадут они, а хлеб – неизвестно, будет ли. Только вперёд не дают, строго запрещено. Но если сестра хлеборезка, то ей никто не указ. Они там все крепкие, сытые, голосами грубыми народ осаживают, а сами крошки подбирают – и в рот. Женщина, конечно, не будет даром стараться: одну из трёх паек придётся ей отдать. Но лишь бы получить, а там разберёмся. Может, на меньшее удастся договориться.

Любаха придёт домой с тяжёлой сеткой. Эй, крикнет, Нинка, Настя, вставайте, лодырницы, посмотрите, что я вам принесла! Настя заругает сначала, но потом только спасибо скажет, как поедят они вволю хлебушка да с горячим чаем. Тётка та еще обещала настоящего чайку в пакетик отсыпать, сестре раз в месяц дают, да она чай не пьёт, всё больше спирт разбавленный. Только бы не забыла тётка та, только бы с кем другим не договорилась – охотников много.

По узкому переулку, по темнеющей в свете наступающего дня тропинке, балансируя на обледенелых помоях, – к заветному огоньку угловой булочной. Неясной массой народ колыхается, кашлем и приглушённым разговором обозначая своё присутствие. Сегодня не надо спрашивать, кто последний. Надо тётку искать. А вдруг Любаха её не узнает, вдруг тётка переоденется в другое пальто, платок сменил? Даже сердце заколотилось, под горло забило от ужаса, что такое может случиться. Договаривались держаться ближе к скверу, где народу поменьше, а то застукают и может скандал получиться: все так хотят – хлеб вперёд получить.

Вот кто-то чёрный стоит, неподвижно, как замороженный. Но нет, двинулась фигура и резко – к ней, Любахе.

– Принесла? – И руку тянет.

– Вот, на троих, до конца месяца. Только нельзя ли...

– Сетка где? – Голос безучастный, не такой, как вчера, когда про чай и спирт разбавленный рассказывала.

Да та ли это тётка? Ну-ка, в лицо посмотрю. Та, та самая, вот и усики на верхней губе, и кольцо тусклым блестит на безымянном пальце. Только молчит как-то странно. Хотя ничего и странного: теперь не до разговоров, они только повредить могут. Теперь надо дело делать.

– К дверям не лезь, я сюда принесу.

И миг протиснулась сквозь толпу и в чёрном проёме исчезла. Нет уж, надо у входа ждать, чтобы не упустить. Хоть тётка и надёжная – крёстную знает и батю помнит – но сейчас всяк

за себя. Так лучше будет: встретит её у дверей, а делить к скверу пойдут, чтоб никто не видел, а то и отнять могут.

Забыла напомнить про чай! Оробела почему-то, а вчера так душевно было, так смешно сестру-хлеборезку изображала, которую все обмануть норовят, так что приглядывать за ней приходится. Но это не помогает, от доброты и рассеянности она то перевесит хлеба, то иждивенцам как на рабочую карточку выдаст – неприятности потом на работе. Судом грозят, но на её жалкое лицо взглянут – прощают: ведь не ворует она, а сроду такая жалостливая.

Вчера всё было понятно и легко. Сегодня как-то тревожно. Карточки отдала... А вдруг обманет, выйдет и скажет, что в первый раз её видит, никаких карточек не брала, всё Любахе с голодухи померещилось. И ведь поверят ей, взрослой женщине, а не Любке в обтрёпанной кротовой шубке, с красными от мороза несоразмерно большими руками и неистребимым запахом мочи. Но хлеб-то, хлеб! Откуда, спрашивается, у тётки так много хлеба? Тут всё и раскроется, люди поймут! Хлеб, может, и вернуть придётся, но карточки ей уж точно отдадут. Не имеют права забрать!

Эх, зря она это и затеяла! Не отменят карточки, война ещё долго не закончится, хлеб нужен каждый день. А то одна рассказывала, что её соседка съела свой хлеб, потом за своих умерших ночью детей-двойняшек съела, и тут же её скрутило – заворот кишок, она и померла. Не, Любка так не поступит, потихоньку будет есть, на части всё разделит и обязательно с чаем. Про чай забыла напомнить! Наверняка тётка всё забудет, пропало теперь настоящее чаепитие!

Что-то долго она не выходит. Ведь если сестра – хлеборезка, должна мигом отпустить и не за прилавком, а в кладовке справа. Любаха видела, как в эту кладовку люди иногда заходят, а из очереди кто-то сунулся – чуть не с кулаками вытурили, грозили милицией.

Что ж такое? Куда она подевалась? Вот уж и народу мало осталось, надо зайти. Если она там сидит и с сестрой язык чешет, Любаха ей паёк не оставит, так не договаривались. Но где ж она? Нет тётки, как сквозь землю провалилась. Может, всё же в кладовке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.